

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

Переправа через Волгу у Казани

Часть сборника
Детство Тёмы (сборник)

**Николай Георгиевич Гарин-
Михайловский**
**Переправа через
Волгу у Казани**

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622025
Детство Тёмь: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15448-7

Аннотация

«После четырехсотверстного переезда на лошадях, я часов в двенадцать ночи добрался наконец до Казани...»

Содержание

***

4

Николай Гарин- Михайловский Переправа через Волгу у Казани

* * *

После четырехсотверстного переезда на лошадях, я часов в двенадцать ночи добрался наконец до Казани.

Назади уже были все эти запряжки: гуськом, врастяжку, бочком и уточкой, хорошо характеризующие свое название.

Сколько лишнего времени, сколько утомления, сколько лишних денег! Столько денег, что эти четыреста верст на лошадях дали бы мне возможность по железной дороге съездить по крайней мере в Париж.

Но вот и Казань, теплая комната в гостинице, сознание конца пути, свет и тепло, – и память о лишениях тает уже, как снег, занесенный мною со двора.

– Волга встала? – спрашиваю я прежде всего.

– Никак нет!

И мне рассказывают всякие ужасы о переправе. Но я решил все-таки завтра ехать дальше. Сознание конца отравля-

ется немного этой переправой. Но утомление берет верх. После ужина я ложусь спать, приказав разбудить меня в пять часов утра, потому что поезд к Волге идет в шесть часов. И зачем из конечного пункта назначен такой ранний час отправления? Представим себе, что мать семейства должна отправиться в Москву. Мать к тому же подвержена мигреням. Проснувшись во внеурочный час, она уже жертва этой мигрени и вся дорога для нее – сплошной ад. Муж, не выспавшись, пойдет на службу, дети в учебных заведениях, не доспав, будут сидеть, как сонные мухи. А ведь при скорости в восемнадцать верст и остановках на тридцати станциях в среднем по двадцать минут, как не урвать бы на протяжении девятисот верст два-три часа времени и не назначить отход в более поздний час?

Согласен, что вопрос мой праздный, потому что что такое, в самом деле, удобства публики?

В пять часов утра постучали в дверь моего номера.

Я открыл глаза с ощущением человека, проехавшего тяжелый путь, утомленного и невыспавшегося, с тяжелой, туманной головой. Первое, что пришло мне в голову, – это сравнение себя с преступником, которого будят, чтобы вести на эшафот. Вчерашние рассказы о нескольких катастрофах, о нескольких жертвах переправы живо вспоминаются. Из газет я уже узнал, что общество дороги отклонило от себя всякую ответственность, а логика инженера говорила мне, что, пожалуй, этот шум и крик о невозможной переправе даже в

интересах общества: чем больше шума, тем скорей разрешат постройку моста.

Наскоро напившись чаю, опять облекся я в три шубы и валенки, так как предстояла переправа при двадцати пяти градусах мороза, я, напутствуемый швейцаром, вышел на подъезд. Было еще совсем темно. Как из колодца, там вверху виднелось нависшее темное небо, и что-то завывало там неприятно и зловеще.

Угрюмо и молча поехал я по темным улицам. Что, собственно, меня гонит? Зачем рисковать? Не вернуться ли назад? В чем та роковая сила, которая толкает вас до тех пор, пока, мотнувшись в последний раз, вы летите в скрытую от вас могилу? Напрасное рассуждение. Я уже у маленького, подозрительного, как-то сбоку приютившегося вокзала. Маленькое здание, сырое и громоздкое, род не то кабака, не то пивной... Если это идея дешевизны, то это, конечно, хорошо, и даже очень хорошо...

Я вхожу в вагон, ложусь и засыпаю.

Через полтора часа меня будят:

– Господин, приехали.

Приехали? Да, да: переправа!

– Выносите вещи.

И я, еще в сонном угаре, спешу на площадку вагона. Все пассажиры – человек двадцать – уже толпятся у откоса, возле десятка крестьянских дровней. Наши вещи кладут на передние части дровней, и нас по двое сажают спиной к лошадям.

Впечатление эшафота усиливается. Едем на свой счет, но уж это бог с ними, конечно, – только бы доехать. Я сижу в позе балерины, и, как ни стараюсь, но шубы мои распахнулись, и меня и всех поддувает, выдувает и надувает...

Ухабы, рытвины, толчки...

Моя беспечная поза напоминает мне итальянского лентяя и его *dolce far niente*¹ на берегу моря. Но здесь не море, а Волга, буря и двадцать пять градусов морозу. Еще один спуск, сильный толчок, и мы огибаем баржу; мы уже на льду. Волга с берега примерзла, и с полверсты переправа идет на санях. Глыбы желтого льда с изрытыми вершинками торчат во все стороны. Сани ныряют с одного ухаба на другой. Иногда подымутся на расколотый гребень, и в щель видишь таинственную пустоту. Как это лед держит и не ломится под нашей тяжестью? А сломится он, тогда куда же? в воду? Однако эта роль преступника, влекомого спиной к месту казни, начинает надоедать, да и сильнее сосет червяк беспокойства. Увидеть хоть поскорее, что там впереди. Я делаю усилие и поворачиваюсь лицом вперед. Ветер рвет, желтый лед кончается, а там дальше свинцовая вода Волги, и пар поднимается от воды, мешающийся с падающим снегом. Тогда берега за метелью не видно, – все плоско, низменно в этом серо-желтом фоне, и только группа людей черными точками обрисовывается там, куда нам ехать. Подъехали. Выдвигается фигура простого полицейского, и он кричит подводчиком:

---

¹ приятного ничегонеделанья (*um.*).

«Стойте!»

Мы все торопливо соскакиваем с саней.

– Что? Как?

– Лодки на этой стороне, – переправа возможна!

Надо узнать, крепок ли лед, образовавшийся за ночь и отделяющий всех нас, здесь стоящих, от тех лодок.

– Не двигайтесь, стойте, пойдет сперва заведующий!

Мы стоим, а от нас отделяется крестьянин с багром, а за ним длинный господин в черной шубе, валенках и барашковой шапке. Мы смотрим на уходящих как на героев. Они идут, и каждую минуту под ними может открыться бездна, тогда их ничто не спасет. Впереди идущий постоянно пробует багром. По мере того, как подвигаются они, напряжение наше слабеет.

– Куда там провалишься: осенний лед ведь! – говорит один.

– Да двадцать пять градусов к тому же, – равнодушно соглашается другой.

Остановились те двое, что-то пробуют и кричат:

– Доски!

Полицейский засуетился.

– Где рабочие?

Двое нехотя выходят.

– Вы, что ли, наняты? Доску несите!

– А как провалится?

– Ну!

Рабочие, нехотя, берут доску и несут. Одну, другую, третью, с лодок тоже уж вышли навстречу этим двоим, и кучка людей растет там, где кладутся доски. Становится скучно. Один, другой, третий пассажир, и все мы потянулись к лодкам.

– Не ходите, не ходите! – надрывается блюститель порядка, – я протокол составлю! Я не отвечаю за вашу безопасность, за вашу жизнь!

Но всем хочется захватить место в лодке, всем хочется скорей на ту сторону, и никто не слушает полицейского. Я тоже иду и стараюсь сохранять дистанцию, но напрасный труд – меня обгоняют, и я рискую прийти последним. Тогда я тоже начинаю спешить и, чтоб обогнать других, иду другой дорогой... Но передо мной полынья, то есть незамерзшее место, и я волей-неволей должен возвратиться к тому месту, где настилают доски. Один уже успел, переходя, поскользнуться, и его едва удержали; нырнул бы под лед, и поминай как звали.

Мы все у воды.

– Не гурдьтесь в кучу, – лед обломите!

Но и это воззвание тщетно: у всех какое-то убийственное равнодушие и отсутствие всякого сознания опасности. В первой лодке уже сидят и только ждут, чтобы пронесло громадную чку. Чка – это льдина в несколько десятков саженей, которую несет по незамерзшему еще руслу. Иногда такую чку нагоняет к примерзшему берегу, и тогда в возду-

хе раздается зловещий шип, треск, и желтый лед колется и высокими глыбами, в местах столкновения, лезет вверх.

– Ну, господи благослови. – прошла, навались!

Сердце замирает в этот момент за тех отъезжающих, и мы, очередные, прыгаем в другую лодку. Один, другой, третий, десяток...

– Довольно, довольно!

– Что вы? Двести пятьдесят пудов поднимает, – успокаивает жадный лоцман.

И опять прыгают и прыгают, а затем багаж и сундуки. Еще один громадный в дохе ввалился, молодой, юркий, прыгнул назад к лоцману.

Я сижу в своей громадной шубе и переживаю тревожное и странное ощущение; лодка, и двадцать пять градусов мороза, и эта чка, что плывет теперь прямо на нас с каким-то вытянутым узким хоботом.

– Скорей, скорей! Пока не загородило проход, а то затрет нас чкой!

– Скорей, скорей! – кричим мы все.

Но матросы еще принимают один сундук, а мы кричим, и наконец лоцман, с сожалением окинув незабранный товар, сдается.

– Ну, дружней!

Взяли весла.

– Навались!

Но пока наваливались да поворачивались, хобот чки уже

почти настиг нас. В нескольких саженях всего от берега, положение наше сразу стало критическим, и опрокинься мы, те, стоявшие на береговом льду без крючков и багров, не спасли бы нас. О, как невыносимо тяжело – неподвижно сидеть и бессильно ждать решения! Но перевозчики рвут воду веслами и сильными взмахами, мы стрелой летим к узкому пролету. Уже народ надеется попасть, чка ломит лед берега, и стоящие там на берегу бегут подальше.

Но и мы на выходе, уже нос лодки захватил свободный пролет, еще один удар весел. Но весла бьют уже не по воде, а по налетевшей чке. Быстрее чем мысль, в руках лодочников – багры, и бешено бьют они ими об лед, и лодка мчится дальше, а сзади нас страшный треск и, с дикой энергией, рев лоцмана:

– Навались!!

И новый треск и страшный толчок, и, как сквозь сон, я вижу остановившимися глазами обнаженные головы моих крестящихся соседей. Но вся опасность уже назади, и мы все вздыхаем, и мой сосед в дохе говорит, надевая шапку:

– Ну, теперь и покурить можно.

Шуба моя распахнулась, я кутаюсь плотнее и удовлетворенно, спокойно смотрю на открывшуюся перед нами водную даль. И буря, и сало, и ледяная Волга вокруг нас – теперь не страшны.

А Волга, точно расплавленная масса, точно вся заплывшая тонким слоем льда. Мы качаемся из стороны в сторону,

чтобы легче ломался молодой лед. Он ломится и под дружными ударами весел, его режет нос лодки, и мы быстро продвигаемся к цели.

Первая лодка уже причалила к берегу.

– Ишь, куда их снесло, – говорит громадный лоцман.

– А мы где пристанем?

– Мы вверх поднимемся, – вон, где сани стоят.

Тем лучше для нас: прямо в сани, а первым идти до них еще. Мы уже плывем вдоль берегового льда, и вся опасность как будто миновала. Даже жаль, что так мало было ощущений. Но я рано пожалел...

– Никак чка?

Это была она, на этот раз через всю почти Волгу, громадных размеров. Она летела вдоль берега прямо на нас.

– Назад! – быстро крикнул кто-то.

– Назад!! – так же быстро повторили мы все.

Но ни лоцман, ни гребцы точно не слышали наших криков. Мы же слышали зловещий шум подгоняемой льдиной воды. Тогда мы еще раз, голосом, полным отчаяния, стали кричать:

– Назад, назад!

– Назад, подлец! – вскочил один из пассажиров.

– Такое ли время, чтобы ругаться, господин? – бросил горячему пассажиру лоцман.

Это было сказано с таким спокойствием и даже величавым достоинством, что мы сразу смолкли.

Время ли действительно? Чка уже налетела, подхватила нас и несла как-то боком, толкая перед собой, как негодную щепку.

Тут и конец всему... Но так как конца не последовало и лодку продолжало нести, то спокойствие окончательно возвратилось к нам.

– Ведь тут ничего же еще опасного нет, – объяснял севший последним, в тяжелой дохе.

– О да, ничего, ничего, – спешил согласиться, на ломаном русском языке, молодой человек, оказавшийся англичанином.

– Опасности нет, но эдак мы и в Каспий попадем, если раньше где-нибудь не нажмет и не раздавит.

– Вот так же двух новобранцев утопило.

– Когда?

– На днях...

– Стой, братцы, – заговорил лоцман, – а ведь чка-то отходить хочет от берега... Ну-ка, упрись баграми, подсунемся к краю!

Там, между льдиной и примерзшим берегом, начинало образовываться водное пространство. Вся чка, как на оси, начинала поворачиваться вокруг той точки, где были мы. План лоцмана был ясен всем, – подойти поближе и воспользоваться первым удобным мгновеньем.

– Ну-ка, попробуй баграми этот клинышек.

Да, отбив этот клин, мы проделали бы себе отверстие.

Но клин уже и сам ломился о береговой лед. В этот водоворот и направил наш лоцман лодку. И, прежде чем мы успели очнуться, произошло что-то непередаваемое, быстрое и неожиданное – раздалось «кrrа!». Лодку подняло вместе со льдом, наклонило, я увидел на мгновение со своей высоты и клочковатую воду и туда дальше желтый лед, подумал, что там на льду течение, услышал легкий вопль молодого англичанина и вылетел из лодки, туда на лед, подальше от воды. Впереди бежал англичанин с тем же тихим воплем, бежал по молодому, неизвестному, может быть за несколько часов только образовавшемуся льду прямо на берег, за ним бежали другие, а я, поднявшись и увидев, что лодка цела и невредима, опять стоит в воде, а чка, сделав свое дело, как какая-то желтая птица, несется уже далеко от нас, возвратился и сел в лодку.

На душе было мирно, спокойно и тихо, ноги дрожали, и сердце билось, и никогда, никогда я не был так спокоен и так глубоко не проникался и прелестью жизни и мертвым ландшафтом этого плоского вида желтого льда и черной реки.

Мы благополучно доехали до того места, куда хотел пристать лоцман: пристали и высадились. Какие лица у всех радостные! Какие спокойные и удовлетворенные!

Мы платим лодочникам, полицейским, подводчикам, мы с радостью раздаем то, что могло уже лежать теперь там, на дне этой страшной реки. И разве жалко дать лишнее этим молодцам? Каждый из нас ехал по своему делу, но они для

нас ехали. Железная дорога и полиция умыли руки, но они были с нами.

Скорее в сани и на вокзал, туда, где пара стальных рельс свяжет меня опять со всем живущим. Прочь от этих мучеников бездорожья! Прочь скорее от всех этих: вращающуюся, гуськом, утицей и бочком. А в последний момент и все вместе – и гуськом, и утицей, и бочком, и вращающуюся.

Опять на дровнях я еду на вокзал. Там уже пьют чай и рассказывают друг другу приключения переправы, смеются весело, смеются над собой, над переправой.

Молодой англичанин говорит и смеется:

– Го-го, Иванушка-дурачок так переправляется.

Только один пассажир из всех сердится:

– Это непροститительно! Десятки миллионов истрочены на дело, а тысячу рублей пожалели на надежные лодки. Лоцман нам говорит после краха: «Передняя лодка не выдержала бы, потому что стара». Что это за организация – два рабочих? Это издевательство!

Я стою и думаю: если это – реклама в пользу моста, то конечно, это – преступная реклама; если это равнодушие только вследствие оплошности контракта с казной, то оно преступно и неприлично.

– Где же наконец хоть водяные инженеры, их полиция, их инспекция?

– Ну! – машет весело рукой мой бывший сосед, и все смеются.

– Помилуйте! Ведь они специалисты, они могут организовать, они должны!..

– Ну... Давно решенный же вопрос, что специалисты – один предрассудок только...

Но компания в смешливом настроении. Хохот покрывает слова говорящего.

Я смотрю, улыбаясь, на эти лица – спокойные и довольные. И вдруг яркая картина только что пережитого охватила меня. О, никогда не забуду этот желтый лед, черную реку, буран, и бурю, и все пережитое в эти короткие мгновения. Нужны железные нервы русского человека, его железное здоровье, его, восточного человека, равнодушие к жизни, чтобы действительно мириться со всеми этими: гуськом, бочком, уточкой и врасстяжку.